

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ / RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.59.10>

ОБРАЗ ХУДОЖНИКА В РАССКАЗЕ Н.С. ЛЕСКОВА «ТУПЕЙНЫЙ ХУДОЖНИК»

Научная статья

Громова П.С.¹*

¹ Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (pollygromova[at]rambler.ru)

Аннотация

Творчество Н.С. Лескова в современном литературоведении подвергается значительному переосмыслению. На примере рассказа «Тупейный художник» в данной статье выявляется глубинная связь произведения Лескова с русской романтической традицией. Анализируется образ главного героя рассказа, выявляются его сходства с типичным героем-художником русской романтической литературы. Утверждается, что в данном произведении с присущей для творчества Лескова спецификой реализуется один из основных романтических конфликтов – конфликт между идеалом и действительностью. Доказывается, что для Лескова как писателя развить романтические идеи преобразования действительности посредством художественного творчества было существенно более важным, чем воспроизвести отдельные элементы стиля романтических произведений.

Ключевые слова: Н.С. Лесков, «Тупейный художник», романтизм.

THE IMAGE OF THE ARTIST IN N.S. LESKOV'S STORY "THE TOUPEE ARTIST"

Research article

Gromova P.S.¹*

¹ Tver State University, Tver, Russian Federation

* Corresponding author (pollygromova[at]rambler.ru)

Abstract

The work of N.S. Leskov in modern literary studies is subjected to significant reinterpretation. Using the example of the story "The Toupee Artist", this article identifies the deep connection of Leskov's work with the Russian romantic tradition. It analyses the image of the protagonist of the story, discloses his similarities with a typical hero-artist of Russian romantic literature. It is argued that in this work, with the specificity inherent in Leskov's work, one of the main romantic conflicts is implemented – the conflict between the ideal and reality. It is proved that for Leskov as a writer to develop the romantic ideas of transforming reality through artistic creation was essentially more important than to reproduce some elements of the style of romantic works.

Keywords: N.S. Leskov, "The Toupee Artist", romanticism.

Введение

За несколько десятилетий писателю Н.С. Лескову удалось пройти в литературоведческом осмыслении удивительный путь: от «заблуждавшегося антинигилиста» (который, впрочем, «раскаялся») [1, С. 402] до «прозёванного гения» [2], достойного благодаря актуальности, самобытности, глубине образности, идейной и духовной содержательности произведений встать в один ряд с вершинами русской классической литературы. Вместе с тем исследователи отмечают, что «до сих пор еще приходится вести борьбу за безусловное признание его писателем-классиком» [3, С. 4]. Так, понимание связи Лескова с предшествующей литературной традицией все еще во многом пребывает на прежнем уровне, ограничиваясь, например, указаниями на попытки писателя освоить отдельные ее элементы, поскольку по такому пути идут именитые современники: «В романе «Обойденные» (1865) и в повести «Островитяне» (1866) Лесков пытается овладеть романтическими и мелодраматическими элементами стиля, придающими особый колорит реалистическим произведениям Достоевского, написанным до романа «Преступление и наказание» <...> В «Детских годах» вновь налицо элементы романтизма и мелодраматизма (линия Кольберг – мать Меркула), появляющиеся каждый раз, когда Лесков обнаруживает близость к Достоевскому» [4]. Нам представляется, что этот вопрос заслуживает большего внимания.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют литературоведческие труды М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана. Историко-литературной базой исследования являются труды по русскому романтизму (Ю.В. Манн, Н.А. Гуляев, И.В. Карташова и др.) и творчеству Н.С. Лескова. Работа опирается на системный подход, используются поисковый, культурно-исторический и историко-типологический методы.

Основные результаты

Рассказ Лескова «Тупейный художник» (1883) в последнее время становился предметом внимания исследователей довольно часто [5]. Отмечается даже связь этого небольшого произведения с агиографической традицией и в целом с культурой христианской книжности [6]. Однако проблема художественного творчества и образ художника, вынесенный в название рассказа, до сих пор остаются в стороне. Мы считаем, что именно этот образ и привязанная к нему сюжетная линия позволяют выявить прочную связь между творчеством Лескова и литературной традицией

предшествующей эпохи, а именно эпохи романтизма, что в свою очередь расширит понимание творческой индивидуальности Лескова в целом.

Впервые сделали творческую личность объектом художественного исследования и осмысления и ввели образ героя-творца, Художника, в литературу именно романтики. Так, в стихотворении «Художники» (1789) Ф. Шиллер объявляет, что человек – звено между природным началом и высшей духовностью, а искусство – высшее проявление человеческой культуры. Как отмечают исследователи, «почти полная отчужденность художника от действительности и не меньшая враждебность действительности искусству <...> становятся основным мотивом, одной из доминирующих тем романтизма» [7, С. 156-158]. С другой стороны, деятельность романтического Художника оказывается парадоксальным образом направленной на действительность, поскольку именно действительность является объектом приложения преобразующей силы искусства.

В русском романтизме этот мотив приобретает особое значение и позволяет выявить такие отличительные черты национального героя русской романтической литературы, как особая миссия Художника, связанная прежде всего не с творческой самореализацией (что приоритетно для европейского романтизма), а с общественным служением, и повышенные требования к его морально-нравственным качествам. Образ романтического Художника является центральным в повестях В.Ф. Одоевского, К.С. Аксакова и других писателей-романтиков. Со сменой литературных направлений он не уходит со сцены, а, пожалуй, раскрывается еще более сложно и многогранно. Само понятие творчества существенно расширяется, а границы определения искусства становятся размытыми. Однако смысловое ядро остается прежним.

Так, в предисловии к повести Н.С. Лескова «Тупейный художник» (1883) говорится: «У нас многие думают, что «художники» – это только живописцы да скульпторы, и то такие, которые удостоены этого звания академиею, а других не хотят и почитать за художников. <...> У других людей не так: Гейне вспоминал про портного, который «был художник» и «имел идеи», а дамские платья работы Ворт и сейчас называют «художественными произведениями» [8]. Далее, пересказывая историю талантливого танатопрактика, в совершенно романтическом ключе Н.С. Лесков сталкивает высокое и низкое, трагическое и комическое. Сама повесть при этом посвящена «мастеру в таком же необычайном художественном роде» – крепостному театральному парикмахеру и гримеру (тупейщику) Аркадию.

Несмотря на то, что повесть основана на исторически достоверном материале, она имеет тесные связи с литературным контекстом, причем прежде всего с произведениями эпохи романтизма (действие повести также происходит в начале XIX в.). Имя главного героя до этого времени встречается в основном в монашеской среде, а в мирской, тем более в крестьянской, не распространено. Зато оно имеет широкую популярность в литературных произведениях, благодаря которым и входит в широкий обиход во второй половине столетия и с которыми ассоциируется. Кроме того, Аркадий обладает вполне романтической внешностью и соответствующим характером: «Призовут его, бывало, <...> и скажут: «Надо, чтобы в лице было такое-то и такое воображение». Аркадий отойдет, велит актеру или актрисе перед собою стоять или сидеть, а сам сложит руки на груди и думает. И в это время сам всякого красавца краше, потому что ростом он был умеренный, но стройный, как сказать невозможно, носик тоненький и гордый, а глаза ангельские, добрые, и густой хохолок прекрасно с головы на глаза свешивался, – так что глядит он, бывало, как из-за туманного облака» [8]. Этот «взгляд из-за туманного облака» представляет собой не только романтический штамп, но и своего рода знак принадлежности героя и к земному, и к иному миру одновременно, что свидетельствует об особом, пограничном типе бытия героя.

Наконец, герой имеет романтический дар преображать своим искусством действительность, а именно внешность людей: «Главная особенность гримировального туше этого художника состояла в идейности, благодаря которой он мог придавать лицам самые тонкие и разнообразные выражения» [8]. Интересно отметить, что при этом не делается различий между гримировкой актера для представления и обычного человека для обыденных нужд. Меркантильные цели гримируемых людей игнорируются, искусство и художник оказываются выше этого. Сам Аркадий осознает это: «Есть во мне смысл от бога» [8], – говорит он. Таким образом, Лесковым развивается высказанная в предисловии мысль о том, что искусство не просто проникает в повседневную жизнь, оно романтически преображает ее, если находится Художник, который реализует творческий потенциал в обычной профессии. В данном случае становится своего рода холстом человеческое лицо, и благодаря работе художника оно, как произведение искусства, производит задуманное и достаточно сильное впечатление. Однако романтический корень художественного произведения оказывается куда глубже. Фактически в рассказе Лескова с характерной для автора причудливостью реализуется один из основных романтических конфликтов – конфликт между сущим и должным, действительностью и идеалом. Аркадий способен не только превратить любую юную актрису крепостного театра в святую Цецилию, но и привести «в военное воображение» страшное, покрытое буграми и заросшее щетиной лицо брата графа, приехавшего представиться государю: «от военных больше требовалось – чтобы перед старшим воображалась смиренность, а на всех прочих отвага безмерная хорохорилась» [8]. Разумеется, изменить сущность людей Аркадий не в силах, но с помощью своего парадоксального бытового искусства он способен показать, каким человек может и должен быть – лучше, чем он есть, по замыслу Творца. Это и есть та божественная «идейность» романтического Художника, которой обладает и Аркадий и на которую в повести указывается дважды: «был это человек с идеями, – словом, художник» [8]. В этом отношении Лесков оказывается последовательным романтиком, что становится очевидным, если обратиться, например, к статье «О поэте и его современном назначении» идеолога русского романтизма В.А. Жуковского, в которой отмечается: «Самое высшее из произведений художества есть то, когда художник выражает не только собственную идею, но в своей идее и самого верховного творца» [9, С. 326].

Заключение

Как отмечает М.Я. Вайскопф, «Романтизм был вовсе не мостом к великой русской литературе, а ее непреходящей живой основой, соками которой она питается и поныне» [10, С. 7]. Многие его темы, идеи, мотивы и образы (такие, как образ романтического Художника), не исчезли с окончанием романтической эпохи, а, наоборот, продолжились и

развились в творчестве авторов последующих десятилетий, позволяя глубже понять природу русского национального литературного процесса.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Троицкий В.Ю. Творчество Лескова и пути развития русской литературы / В.Ю. Троицкий // *Revue des études slaves*. — 1986. — Т. 58–3. — С. 401–412. — URL: https://www.persee.fr/doc/slave_0080-2557_1986_num_58_3_5566 (дата обращения: 07.09.2024).
2. Кучерская М.А. Лесков. Прозёванный гений / М.А. Кучерская. — Москва : Молодая гвардия, 2021. — 622 с.
3. Н.С. Лесков в пространстве современной филологической мысли. — Москва : ИМЛИ РАН, 2010. — 376 с.
4. Видуэцкая И. Творчество Лескова в контексте русской литературы XIX века / И. Видуэцкая // *Вопросы литературы*. — 1981. — № 2. — С. 148–188. — URL: <https://voplit.ru/article/tvorchestvo-leskova-v-kontekste-russkoj-literatury-xix-veka/> (дата обращения: 07.09.2024).
5. Маньковский А.В. «Тупейный художник» Н.С. Лескова в исследованиях последних лет / А.В. Маньковский // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение: Реферативный журнал*. — 2023. — № 2. — С. 105–125.
6. Вигерина Л.И. Агиографическая традиция в художественной системе рассказа Н.С. Лескова «Тупейный художник» / Л.И. Вигерина // *Art Logos*. — 2018. — № 2 (4). — С. 13–27.
7. Паси И. Литературно-философские этюды / И. Паси. — Москва : Прогресс, 1974. — 228 с.
8. Лесков Н.С. Тупейный художник / Н.С. Лесков // *Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. — Т. 7.* — URL: <https://traumlibrary.ru/book/leskov-ss11-07/leskov-ss11-07.html#s020> (дата обращения: 07.09.2024).
9. Жуковский В.А. Эстетика и критика / В.А. Жуковский. — Москва : Искусство, 1985. — 431 с.
10. Вайскопф М.Я. Агония и возрождение романтизма / М.Я. Вайскопф. — Москва : Новое Литературное Обозрение, 2022. — 600 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Troickij V.Ju. Tvorchestvo Leskova i puti razvitija russkoj literatury [Leskov's Work and the Development Paths of Russian Literature] / V.Ju. Troickij // *Revue des études slaves*. — Vol. 58–3. — P. 401–412. — URL: https://www.persee.fr/doc/slave_0080-2557_1986_num_58_3_5566 (accessed: 07.09.2024). [in Russian]
2. Kucherskaja M.A. Leskov. Prozjovannyj genij [Leskov. The Missed Genius] / M.A. Kucherskaja. — Moscow : Molodaya Gvardiya, 2021. — 622 p. [in Russian]
3. N.S. Leskov v prostranstve sovremennoj filologicheskoy mysli [N.S. Leskov in the Space of Contemporary Philological Thought]. — Moscow : IMLI RAS, 2010. — 376 p. [in Russian]
4. Viduetskaya I. Tvorchestvo Leskova v kontekste russkoj literatury XIX veka [Leskov's Work in the Context of Russian Literature of the 19th Century] / I. Viduetskaya // *Voprosy literatury* [Issues of Literature]. — 1981. — № 2. — P. 148–188. — URL: <https://voplit.ru/article/tvorchestvo-leskova-v-kontekste-russkoj-literatury-xix-veka/> (accessed: 07.09.2024). [in Russian]
5. Mankovskiy A.V. «Tupejnyj hudozhnik» N.S. Leskova v issledovanijah poslednih let ["Toupee artist" by N.S. Leskov in the research of recent years] / A.V. Man'kovskij // *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Ser. 7, Literaturovedenie: Referativnyj zhurnal* [Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series. 7, Literary Criticism: Abstract Journal]. — 2023. — № 2. — P. 105–125. [in Russian]
6. Vigerina L.I. Agiograficheskaja tradicija v hudozhestvennoj sisteme rasskaza N.S. Leskova «Tupejnyj hudozhnik» [Hagiographic tradition in the artistic system of N.S. Leskov's story "The Toupee Artist"] / L.I. Vigerina // *Art Logos*. — 2018. — № 2 (4). — P. 13–27. [in Russian]
7. Pasi I. Literaturno-filosofskie jetjudy [Literary and philosophical sketches] / I. Pasi. — Moscow : Progress, 1974. — 228 p. [in Russian]
8. Leskov N.S. Tupejnyj hudozhnik [The Toupee Artist] / N.S. Leskov // *Leskov N.S. Sbranie sochinenij* [Leskov N.S. Collected Works]: In 11 volumes. — Vol. 7. — URL: <https://traumlibrary.ru/book/leskov-ss11-07/leskov-ss11-07.html#s020> (accessed: 07.09.2024). [in Russian]
9. Zhukovskij V.A. Jestetika i kritika [Aesthetics and criticism] / V.A. Zhukovskij. — Moscow : Art, 1985. — 431 p. [in Russian]
10. Vajskopf M.Ja. Agonija i vozrozhdenie romantizma [The Agony and Revival of Romanticism] / M.Ja. Vajskopf. — Moscow : Novoe Literaturnoe Obzrenie, 2022. — 600 p. [in Russian]